

Джеймс Оливер Кервуд

ЗАКОН
ВЕЛИКИХ
СНЕГОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 36

James Oliver Curwood
STEELE OF THE ROYAL MOUNTED.
THE HONOR OF THE BIG SNOWS.
ISOBEL: A ROMANCE OF THE NORTHERN TRAIL.
THE GOLDEN SNARE

Перевод с английского
Владимира Гришечкина, Ирины Иванченко,
Елены Петровой, Наталии Нестеровой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации
Гейла Хоскинса, Фредерика Ремингтона,
Луи Бомбледа, Говарда Пайла и других

© В. А. Гришечкин, перевод, 2026
© Н. К. Нестерова, перевод, 2026
© Е. С. Петрова, перевод, 2026
© И. В. Иванченко, перевод, 2026
© З. А. Смоленская, примечания, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30830-5

ФИЛИП СТИЛ

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ КОРОЛЕВСКАЯ
КОННАЯ ПОЛИЦИЯ

ГЛАВА I

Письмо с ароматом гиацинта

Перо Филипа Стила уверенно бегало по бумаге. Он писал письмо, которое, возможно, никогда не отправит, но сам процесс каким-то образом помогал ему справиться с гнетущим ощущением одиночества.

Снаружи беснуется ветер. С озера, словно шрапнель, налетают тяжелые снеговые заряды, и кажется, будто нынешней непроглядной ночью все демоны, населяющие эту дикую, безлюдную местность, проснулись, чтобы сровнять с землей мою срубленную из толстых бревен хижину. Честно говоря, в такую ночь, когда вокруг только холодная пустыня, а над головой визжит и воем стремительно несущийся воздух, нелегко быть одному, без человеческого общества. Даже сквозь стены мне слышно, как грохочет о скалы прибой, как бьется о камень плáвник. Так и кажется, будто тысячи осадных таранов силятся взломать мою дверь. Такая ночь напугает кого угодно! И даже когда напор стихии немного ослабевает, кроны высоких сосен над моей крышей скрипят и воем, распрямляясь после ударов урагана.

Завтра все здесь будет покрыто снегом. Отсюда до Гудзонова залива, от залива до арктических областей все оденется белым покрывалом, и там, где сейчас яростно ревет ветер и летит ледяная крупа, наступит бесконечная тишина — великое безмолвие, которое воспитывает суровых, скупых на слова северян. Это, впрочем, слабое утешение, во всяком случае сегодняшней ночью. Вчера я обнаружил в ларе с мукóй мышь и прикончил ее. Теперь я об этом жалею, — должно быть, шум и свист ветра выгнали зверька из гнезда, чтобы он составил мне компанию.

Впрочем, все было бы не так плохо, если бы не череп. За последние полчаса я трижды протягивал к нему руки, собираясь

снять его с полки над очагом из нетесаного камня, в котором пылают сосновые дрова. И каждый раз я отступал и сидел, дрожа, в кресле-кровати, которое своими руками сделал из стволов молодых деревьев и шкуры карибу. Это человеческий череп. Еще совсем недавно человек этот был живым, он говорил, смотрел, думал, и это тревожит меня больше всего. Все было бы иначе, будь это старый череп, но нет — череп довольно свежий. По временам в его пустых глазницах мне мерещится жизнь, хотя, скорее всего, это просто мрачные отсветы пламени, пляшущего на просмоленных поленьях. А еще мне кажется, что в пустоте под сводом черепа живет былая страсть, разбуженная безумием сегодняшней ночи. Уже не раз я раскаивался, что оставил череп у себя, но сегодня я сожалею об этом с особенной силой.

Как воеет ветер над крышей, как стонут и скрипят сосны! В дымоход то и дело проваливаются целые сугробы снега, и каждый раз я вздрагиваю, словно сам дьявол вырывается из очага в клубах пара, заслоняя от меня белеющий на полке череп. Я не могу даже лечь в постель и попытаться заснуть — это совершенно бессмысленно, ибо я знаю, какими будут мои сны. Сегодня ночью мне будет сниться череп. А еще я увижу перед собой лицо — женское лицо...

Дописав последние слова, Филип с нервным смешком поднялся с кресла и пробормотал нечто весьма похожее на проклятие, совершенно заглушенное, впрочем, неистовством бури. Скомкав листок бумаги в кулаке, он швырнул его в очаг, который только что описывал.

— Будь оно все проклято, так не пойдет! — воскликнул Филип, возвращаясь к своей давней привычке разговаривать с самим собой вслух. — Не пойдет, Стил, забери тебя дьявол!.. Ты стал слишком нервным и сентиментальным. Еще немного — и ты попросишься домой, к мамочке! Проклятье, ну и ночька!

Он повернулся к очагу, в который свалилась еще одна порция снега. Огонь зашипел и пригас, комната наполнилась паром.

— Надо было разжечь плиту, — пробормотал молодой человек, набивая трубку. — Но мне казалось, что с очагом будет уютнее. Спаси нас, Господи, что творится!..

Засунув руки глубоко в карманы, он принялся расхаживать из стороны в сторону по тесаному бревенчатому полу, выпускающая изо рта клубы табачного дыма. Редко когда черты Филипа производили неприятное впечатление, но сейчас все свойственное ему природное добродушие куда-то исчезло. У него было мужественное худое лицо с решительным подбородком и ясными серо-стальными глазами, которые начинали странно блестеть каждый раз, когда его взгляд невольно устремлялся туда, где на полке над очагом белел череп. Впрочем, довольно скоро Филип оторвался от разглядывания черепа и повернулся к грубому дощатому столу, освещенному фитилем из скрученной хлопчатобумажной ткани, на три четверти погруженным в жестянку с жиром карибу. В тусклом мерцании этого примитивного светильника видны были два лежавших на столе письма во вскрытых, засаленных конвертах, которые днем раньше доставил ему из Нельсон-Хауса¹ индеец. Первое письмо было коротким и сугубо деловым. Это был приказ штаба Северо-западной королевской конной полиции, который предписывал Филипу без промедления отправиться на озеро Бейн, в сотне миль к северу, чтобы присоединиться там к некоему Баку Ному.

Второе письмо Филип уже раз двадцать брал в руки, с тех пор как конверт доставили сюда, в безлюдный, пустынный край, за триста миль от ближайших форпостов цивилизации. Оно состояло из полудюжины исписанных женским почерком страниц, от которых исходил едва уловимый, сладкий запах гиацинта. Именно этот запах со вчерашнего дня не давал ему покоя, внушая смутную тревогу и заставляя часто вспоминать о родных краях. Вдыхая его, Филип снова и снова возвращался мыслями к предметам и временам не столь давним, когда он был частью мира, откуда пришло письмо, — мира, в котором, казалось, было все, чего только можно желать. И в одной мгновенной вспышке представились ему картины прошлых дней, когда он, мистер Филип Стил, сын банкира-мультимиллионера, был одним из немногих счастливчиков, принадлежавших к избран-

¹ *Нельсон-Хаус* — город в канадской провинции Манитоба. Ранее на этом месте располагался торговый пост Компании Гудзонова залива. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ному обществу большого города. Перед ним были открыты двери престижных клубов, ему улыбались прекрасные женщины, среди них была она — та, которая готова была отдать ему свое сердце и которая написала пахнущее гиацинтом письмо.

Сердце?.. Было ли это желание искренним, или ее манило только его богатство?..

Филип негромко рассмеялся, и его крепкие белые зубы блистали в полутьме, когда он снова повернулся к огню. Не выпуская письма из рук, он снова сел и задумался о людях, которых когда-то знал. Что стало с Джеком Муди, гадал он, стариной Джеком, учившимся в одном с ним колледже, который любил обладательницу гиацинтовых духов всей своей большой, честной душой, но не получил ни полшанса, потому что был беден? Где теперь Уиттмор, молодой биржевой маклер, чьи надежды рухнули, когда он обанкротился и остался без гроша? Что случилось с Форднеем, который отдал бы ради этой женщины десять лет жизни? Да и с полудюжиной других мужчин, имена которых Филип мог бы припомнить без особого труда?

Ее сердце!.. Филип снова рассмеялся и поднес письмо к лицу, так что аромат духов стал сильнее. Как она его соблазняла, как заманивала! В тот памятный вечер на балу у Хокинсов он едва не поддался. В очаге трещали дрова, над дымоходом завывал ветер, и Филип прикрыл глаза, представляя себе эту женщину такой, какой видел ее в тот день, вспоминая ее невероятную красоту, ее чарующий голос. Ее волосы, ее глаза действовали на него, как крепкое вино, заставляя кровь кипеть. И вся эта красота могла бы принадлежать ему — до сих пор могла. Даже сегодня, если бы он послал ей весточку из сердца этой дикой пустыни, если бы написал несколько строк...

Молодой человек резко выпрямился, словно очнувшись от грез. Смял в кулаке страницы письма и бросил в огонь — все, за исключением последней, на которой стояла подпись. Эту страницу он некоторое время пристально разглядывал, словно начертанное на ней имя могло послужить ответом на невысказанный вопрос, а потом отложил в сторону. Еще несколько минут он обонял сладостное благоухание гиацинта. Наконец оно перестало ощущаться, и Филип машинально потянул носом, но уловил только запах дыма и смолы и поднялся со смешком,

означавшим возвращение к прежнему состоянию духа. Сложив последнюю страницу письма, он спрятал ее в свой походный мешок и стал снова набивать трубку.

Не раз и не два Филип Стил говорил себе, что родился с опозданием на одно или два столетия. Он даже признавался в этом некоторым своим друзьям, но они только смеялись над его словами. Однажды вечером Филип поделился своими мыслями с женщиной — любительницей гиацинтов, но и она назвала его чудачком. И все же в глубине души он твердо знал, что не похож на других и что в его жилах течет кровь давно ушедших поколений, живших в те времена, когда главным богатством настоящего мужчины считались храброе сердце и сильные руки, а не трастовые фонды и облигации, когда еще не угас окончательно дух романтики и авантюризма. В колледже Филип избрал для себя специальность гражданского инженера, полагая, что это позволит ему побывать в диких, необустроенных землях. После выпуска он на целый год отправился с картографической экспедицией в дебри Центральной Америки, чем навлек на себя гнев родни. Именно этот год сформировал характер Филипа. Из экспедиции он вернулся загорелым, как ацтек, великодушным, трезво мыслящим молодым человеком, ненавистником больших городов с их развлечениями и изнеживающей обстановкой, для которых он когда-то был рожден. Отцовские миллионы были ему теперь не нужны — он даже не думал о них, словно их не существовало вовсе. Огромное состояние принадлежало ему по праву, но Филип так и не нашел применения средствам, которые накапливались на его счетах. Вскоре он отправился в очередную экспедицию, на сей раз в Бразилию, а когда вернулся — встретил благоухавшую гиацинтами девушку. Не сразу сумел он разорвать цепи, которые так крепко держали и Муди, и Фордней, и Уиттмора, но ему это удалось, и тогда он вновь посвятил свою жизнь приключениям и путешествиям.

На этот раз Филип «заболел» Севером. На бескрайних снежных просторах, среди равнин и лесов, протянувшихся от Гудзонова залива до диких краев Атабаски, он встретил очень мало людей и очень много романтики и тайн, которые словно вернули его в прошлое, накрепко соединив с упокоившимися

во прахе поколениями отважных пионеров-первопроходцев. И в один прекрасный день подтянутый, атлетически сложенный молодой человек прибыл в Реджайну¹, чтобы служить в Северо-западной конной полиции. За первые полтора года службы он сумел несколько раз отличиться и добился перевода на Дальний Север, где преследование преступников и бандитов превращалось в увлекательную игру, в схватку один на один на просторах сурового и безмолвного заснеженного мира. И никто — даже та, что написала пахнущее гиацинтами письмо, — не мог хотя бы представить себе, что рядовой Ф. Стил из Северо-западной конной полиции — на самом деле небезызвестный Филип Стил, владелец миллионного состояния и благородный искатель приключений.

Никто не мог оценить заключенную тут иронию лучше самого Филипа. Подкладывая в очаг очередное полено, он от души рассмеялся, гадая, что сказали бы его изнеженные друзья (и в особенности прелестница, приславшая ему письмо на надушенной бумаге), если бы увидели его сейчас, увидели ту жалкую обстановку, в которой он жил. Не спеша, почти с удовольствием Филип разглядывал толстые шерстяные носки, которые повесил просушиться поближе к огню, пропитанные жиром карибу потрепанные мокасины и единственный комплект нательного белья, который он выстирал после ужина и подвесил к потолку и который теперь исходил паром, напоминая в полутьме очень худого, безголового человека. В хижине вообще было довольно темно, и лишь один-единственный предмет сиял во мраке незапятнанной белизной — человеческий череп на полке над очагом. Когда взгляд Филипа упал на него в очередной раз, его лицо помрачнело, а губы сжались, но уже в следующую секунду, повинувшись внезапному порыву, он потянулся к черепу и, взяв его в руки, некоторое время держал так, чтобы огонь как можно лучше освещал печальную реликвию. С левой стороны, на уровне глазницы и чуть выше уха, в черепе зияло отверстие диаметром с небольшое яйцо.

— Значит, мне приказано присоединиться к Ному? К человеку, который виновен вот в этом, да?.. — пробормотал Филип,

¹ *Реджайна* — город в Канаде, административный центр провинции Саскачеван.

ощупывая пальцами неровные края проломленной кости. — Да, мсье Дженнет, за то, что произошло тогда в Нельсон-Хаусе, я мог бы его убить. И когда-нибудь я, возможно, действительно это сделаю.

Он вытянул руку перед собой, удерживая череп на уровне своего подбородка.

— Неплохой из меня Гамлет, — с пафосом проговорил Филип. — А впрочем... не бросить ли мне вас в огонь, мсье Дженнет? Вы начинаете действовать мне на нервы.

Он, однако, передумал и положил череп на стол.

— Нет, я вас не сожгу, — сказал он негромко. — Раз уж я притащил вас с собой в эту глушь, значит нам придется быть вместе и дальше. Пожалуй, упакую-ка я вас в мешок — поедете со мной на озеро Бейн. Однажды утром я преподнесу вас Баку Ному на завтрак, и тогда, мсье... Тогда поглядим, что́ будет.

В тот же вечер, некоторое время спустя, Филип написал несколько слов на листке бумаги и прикрепил с внутренней стороны к входной двери. Для всех, кто по его примеру отправится в далекую снежную пустыню, в листке содержались важная информация и совет:

ВНИМАНИЕ!

Эта хижина и все, что в ней есть, оставлено мной. Набивайте брюхо — но не карманы!

Ф. Стил, Северо-зап. конная полиция

ГЛАВА II

Лицо в ночи

На озеро Бейн, где располагалась фактория Компании Гудзонова залива, Филип Стил прибыл семь дней спустя, после сильного бурана. Пока он оттаивал перед огромной плитой

в просторном и пустом магазине компании, торговый агент Брид делился с ним последними новостями. Одна из них заключалась в том, что некий полковник Беккер с женой выехали из Форт-Черчилла, стоявшего на берегу Гудзонова залива, с намерением побывать на озере Бейн. Вторая новость гласила, что неделю назад Бак Ном отправился на запад и до сих пор не вернулся. Брид был весьма обеспокоен, но волновало его не столько затянувшееся отсутствие Нома, сколько предстоящий визит полковника с женой. Как говорилось в письме, которое прислал ему агент в Черчилле, полковник Беккер, прибывший из Лондона на последнем в сезоне грузовом пароходе, был довольно пожилым джентльменом и занимал высокий пост в компании. На озере Бейн у него якобы не имелось никаких дел; официальная версия гласила, что полковник намерен провести здесь отпуск, поскольку ему давно хотелось посмотреть, как живут люди в краях, куда еще не добралась цивилизация.

Лицо Брида, окаймленное седоватой бородкой, выглядело на редкость несчастным.

— Не понимаю, почему полковника не направили в Нельсон-Хаус или в Йоркскую факторию? — настойчиво спрашивал он Филипа. — В Нельсоне есть и пуховые перины, и три женщины, к тому же тамошний агент — человек образованный, не мне чета. А здесь нет ничего, даже женщин.

При упоминании о женщинах из Нельсон-Хауса Филип пожал плечами:

— Теперь их осталось только две. После того как Баки Ном побывал в Нельсоне, одна из них отправилась с ним на юг.

— Ну, две так две, — отозвался Брид, не заметив огонька, вспыхнувшего в глазах собеседника. — Говорю тебе, Стил: на озере Бейн нет ни одной женщины, даже туземки! Всю еду нам готовит этот грязный индеец Джек, из племени кри. Буквально на днях я застал его за тем, как он замешивал тесто в тазике для умывания, а ведь лепешки, которые он печет, я ем с тех пор, как все наши охотники отправились ставить капканы. Здесь вообще никого нет, кроме тебя, Нома, двух кри, одного метиса и меня, и так будет до середины зимы, когда начинается сезон скупки мехов. Что, ради всего святого, будет делать здесь старая полковничиха?

— Надеюсь, хотя бы кровать для нее найдется?
— Только топчан, жесткий как камень.
— А как с провизией?
— Очень, очень плохо! — простонал агент. — Осенью эти сукины дети, трапперы, скупили все продовольствие. На складах почти ничего не осталось — только бобы, мука, сахар, сухофрукты и мясо карибу, от одного запаха которого меня наизнанку выворачивает. Да я отдал бы месячное жалованье за фунт свинины! А теперь взгляни на это письмо... Если его писала не леди из высшего общества, можешь разрезать меня на куски. И я готов биться об заклад: полковничиха написала его для своего муженька.

Из внутреннего кармана Брид извлек белый квадратный конверт со сломанной сургучной печатью и, достав оттуда сложенный листок кремовой бумаги, протянул Филипу. Молодой человек взял листок в руки и вздрогнул от внезапного предчувствия. Он еще не успел прочесть первую строчку, но уже почувствовал исходящий от бумаги знакомый аромат. И дело было не только в запахе. Письмо, которое он сжег неделю назад, было написано на точно такой же бумаге, написано таким же изящным, красивым почерком. Филип даже не пытался сдержать сорвавшееся с его губ удивленное восклицание. Когда же он поднял глаза, то увидел, что Брид пристально на него смотрит.

— Чертовски странное совпадение, дружище, — промолвил Филип, кое-как взяв себя в руки. — Я почти готов поклясться, что мне знаком этот почерк, но это, разумеется, невозможно. И все-таки это очень, очень странно. Ты не против, если я оставлю письмо у себя... хотя бы до вечера? Я возьму его к себе на квартиру и сравню с...

— Можешь вообще его не возвращать, — перебил агент. — Надеюсь, за ужином ты расскажешь, что тебе удалось выяснить. Кстати, мы здесь ужинаем ровно в пять. Ну а если вдруг выяснится, что ты знаком с полковником и его супругой, это будет просто редкостной удачей.

Десять минут спустя Филип был уже в небольшой хижине, где он и Ном жили, когда оказывались на озере Бейн. Индеец Джек развел в жестяной печурке сильный огонь; и, когда Филип отворил дверцу топки, на стенах домика, разгоняя сумрак

раннего зимнего вечера, заплясали отблески пламени. Придвинув стул поближе к свету, Филип снова развернул письмо. Он внимательно рассматривал строку за строкой, слово за словом, чувствуя, как с каждой секундой в нем нарастает странное умственное возбуждение, объяснить природу которого он был не в силах. Как гласило письмо, полковник Беккер и его супруга прибыли в Черчилл на борту английского парохода чуть больше месяца назад. Между тем Филип хорошо помнил, что на послании, которое он сжег, стояла дата полуторамесячной давности, следовательно, когда оно было написано, полковник и его жена либо все еще находились в Лондоне или в Ливерпуле, либо уже плыли через Атлантику. Какими бы похожими ни выглядели два письма, их не мог написать один и тот же человек — это было совершенно невероятно.

Довольно долго Филип сидел, откинувшись на спинку стула, и, прикрыв глаза, впитывал в себя приятный жар печи. В грезах, навеянных благодатным теплом, ему снова явился хорошо знакомый образ. Филип бессознательно боролся с ним, как делал уже десятки раз с тех самых пор, когда получил первое письмо, но, как и в прошлые разы, все его усилия оказались тщетными. Он снова видел ее перед собой, точно наяву, видел такой, какой она была на балу у Хокинсов: глаза и губы улыбаются, свет бесчисленных свечей играет на червонном золоте чуть волнистых волос.

С усилием очнувшись от воспоминаний, Филип взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти пять. Он наклонился, чтобы прикрыть дверцу печи, и вдруг замер, вытянув руку вперед. На его колене, блестя в свете пламени, словно золотая нить, лежал женский волос. Зажав его двумя пальцами и держа волос перед собой, так чтобы на него падал свет огня из печи, Филип осторожно поднялся. Рука его дрожала, дыхание сделалось частым. Волос, несомненно, выпал из письма — или из конверта — и был удивительно похож на *ее* волосы.

Со стороны фактории послышался низкий звук лосиного манка — это Брид звал его на ужин. Прежде чем выйти из хижины, Филип намотал шелковистый волос на палец, а потом аккуратно спрятал среди бумаг и фотографий, которые носил в кожаном бумажнике. Когда он наконец присоединился к аген-

ту в столовой, на лице его рдел яркий румянец. После памятного бала у Хокинсов, когда, почти готовый сдаться, он склонился к ней и почувствовал легчайшее прикосновение ее прекрасных рук, ощутил тепло дыхания и мягкость ее волос на своих губах, мысль об этой женщине еще ни разу не взволновала его так сильно, как сейчас. Филип был даже рад, что Брид слишком озабочен собственными проблемами, чтобы заметить на лице гостя какие-то чувства или хотя бы спросить, удалось ли тому что-то выяснить из письма.

— Говорю тебе, Стил, для меня все это может кончиться крупными неприятностями, — мрачно сказал агент. — В настоящий момент фактория на озере Бейн представляет собой самый маленький, самый ветхий и самый убыточный торговый пост между Гудзоном и Атабаской. Нам выпало два неудачных сезона подряд. Естественно, что все пошло кувырком. Полковник Беккер — большая шишка в компании, я в этом не сомневаюсь. Десять против одного: он решит, что это я во всем виноват и меня нужно заменить кем-то получше.

— Ерунда! — воскликнул Филип, глядя на Брида в упор, и щеки молодого человека покраснели еще больше. — Вот какое у меня предложение: давай я отправлюсь к ним навстречу? — спросил он. — Что-то вроде комитета по торжественной встрече из одного человека... И прежде чем они сюда доберутся, я постараюсь, эдак ненавязчиво, внушить полковнику, что в последние два года фактории Бейн не везло и...

Услышав эти слова, Брид буквально просиял:

— Ты мог бы меня очень выручить, Стил! Скажи, ты действительно готов это сделать — встретить полковника и его жену?

— Готов, и даже с удовольствием.

Филип почувствовал, что у него все сильнее горит лицо, и ниже склонился над тарелкой.

— Ты уверен, что полковник и его жена — пожилые люди? — спросил он.

— Так пишет Маквей из Форт-Черчилла. Он говорит, что полковник — человек в годах.

— А его жена?

— Не знаю, как насчет возраста, но она точно не подарок, — несколько неуважительно заметил Брид. — Если бы полковник

приехал один, все обстояло бы не так скверно, но его старуха... Пф!.. Если он чего-то вдруг не заметит, так она ему обязательно подскажет — в этом можно не сомневаться.

Филип подумал о своей матери, которая весь окружающий мир рассматривала через лорнет с увеличивающими стеклами, и невесело усмехнулся.

— Я отправлюсь к ним навстречу, — повторил он успокоительным тоном. — Скажи Джеку, пусть к утру приготовит мне все необходимое для путешествия. Я хотел бы выехать сразу после завтрака.

Когда ужин закончился, Филип испытал облегчение и поспешил вернуться в хижину. Дымя зажатой в зубах трубкой, он с чувством какой-то непонятной вины извлек из бумажника золотой волос и снова поднес к свету пламени, отчего тот за сверкал, словно настоящее золото.

— Ты спятил, Филип Стил, — сказал себе молодой человек. — Идиот высшей пробы — вот кто ты такой! Какого черта ты вообразил, будто жена полковника Беккера может иметь к тебе какое-то отношение? Пусть даже у нее золотые волосы и она пишет свои письма на кремовой бумаге, надушенной гиа-цинтом. Да будь оно все проклято... вот! — Он разжал пальцы, и поток воздуха тут же унес невесомый волос куда-то в темный угол хижины.

В постель Филип отправился далеко за полночь, а проснулся, когда снаружи только-только занимался серый, холодный рассвет. Легкий завтрак — и вот он уже в дороге. Весь день, надев снегоступы, Филип двигался размеренным, экономным шагом по тропе компании, ведущей от поста к заливу. За два часа до наступления темноты он поставил легкую палатку, нарубил лапника для постели и, срубив сухую ель, разжег костер у подножия высокой скалы, высившейся напротив его убежища. Было еще светло, когда, завернувшись в одеяло, он прилег на постель из еловых веток, вытянув ноги навстречу отражавшейся от скалы волне тепла. Самый воздух казался каким-то слишком неподвижным, и это ощущение все усиливалось по мере того, как за кругом света, отбрасываемого костром, стужалась ночь. Темнота обступала крошечный лагерь со всех сторон. В чернильном мраке зимней ночи зрение было бессильно, и Филип

непроизвольно начал томиться одиночеством. Для него это ощущение было внове, и, не сдержав дрожи, он сел на постели, обратившись лицом к костру. Когда-то он полюбил Север именно за это — за безграничный покой и всеобъемлющее безмолвие пустынных пространств, и до сегодняшнего вечера его любовь оставалась неизменной. Но сейчас в абсолютной тишине ночи было нечто гнетущее, такое, что заставляло его напрягать зрение, чтобы разглядеть хоть что-то за зыблющимся на снегу кругом света от костра. Его напряженный слух старался уловить звуки, которых не было и не могло быть. Филип знал, что это просто тоска по обществу, но не обществу Брида и товарищей, с которыми он не раз преследовал оказавшихся вне закона преступников, а тех мужчин и женщин, которых когда-то — столетия назад, как ему казалось, — он знал и среди которых пользовался некоторым авторитетом. А еще он чувствовал, что, пока сидит здесь, сжимая кулаки и таращась во тьму, душа его продолжает тянуться к женщине, чьи глаза, губы и золотые, как солнце, волосы упрямо вставали перед его мысленным взором после многих месяцев забвения, к женщине, чья манящая улыбка мерещилась ему сейчас среди прыгающих языков пламени, продолжая соблазнять, искушать, звать даже через расстояние в тысячу миль. И если он уступит, поддастся...

При мысли об этом Филип до боли сжал кулаки и откинулся на спину с проклятьем, в котором было больше муки, чем святотатства. Спать ему пока не хотелось, но физическое утомление после дневного перехода давало о себе знать, и он, закрыв глаза, погрузился в легкую дремоту, в которой ему снова явилось знакомое женское лицо. С каждой минутой оно выглядело все ближе, все реальнее, пока не оказалось совсем рядом и не заговорило с ним. Филип услышал мягкий, мелодичный, по-девчоночьи звонкий смех, который так сильно подействовал на него на балу у Хокинсов; ему казалось даже, что он слышит невнятный гул других голосов, один из которых вдруг прозвучал на редкость громко и отчетливо. Это был голос Чесбро, который случайно нарушил их уединение и тем самым спас Филипа — спас буквально за миг до катастрофы.

Филип беспокойно зашевелился, приподнялся на локте и посмотрел на костер. Пробуждаясь от дремы, он, казалось, снова

услышал голос Чесбро, а вслед за этим — смеющийся голос из своих грез, неразборчивый и тихий, и от этого по его нервам словно пробежал разряд электричества, оставивший после себя приятное покалывание во всем теле. Удивленный, Филип резко сел, всматриваясь в окружающую темноту. Может быть, он все еще спит? Костер горел по-прежнему ярко, а значит, он спал совсем недолго.

Неясное движение, негромкий скрип снега под чьими-то ногами — и между ним и костром появился силуэт человека.

Это была женщина.

Сдержав готовый сорваться с губ вскрик, Филип сидел неподвижно, стараясь не производить ни звука. Женщина сделала шаг вперед, заглянула в темное нутро палатки. Отблески пламени сверкнули на серебристых мехах, в которые она была закутана, мелькнула белая рука, коснувшаяся полога, а потом Филип разглядел лицо. Это длилось лишь мгновение, но он как будто остолбенел и сидел так неподвижно, словно на несколько секунд в нем прервалось самое течение жизни. Темные смеющиеся глаза, блеснувшие в улыбке зубы, сдавленный смешок, прозвучавший негромко, как вибрирующая горловая нотка, — все это промелькнуло и пропало, а он все сидел, уставившись в пустоту, где только что видел прекрасный призрак.

Наконец Филип пришел в себя. Слегка откашлявшись, чтобы показать пришельцам, что не спит, он откинул одеяло и выполз из низкой палатки. Справа от костра стояли мужчина и женщина и, наклонившись к костру, грели руки над огнем. Заметив Филипа, оба выпрямились.

— Мне очень жаль, мистер Стил, — сказал мужчина, делая несколько быстрых шагов по направлению к нему. — Боюсь, мы помешали вашему отдыху. Мы собирались встать лагерем вон на том холме, но увидели ваш костер и решили выяснить... Еще раз извините.

— Мне бы очень не хотелось разминуться с вами, — перебил Филип, пожимая протянутую руку. — Дело в том, что я отправился в путь с фактории на озере Бейн, чтобы встретить полковника Беккера и его супругу, и... — Он намеренно сделал паузу, улыбаясь открытой, добродушной улыбкой, которая, как правило, с первого взгляда располагала к нему людей.

— И вы их встретили, — отозвался звонкий, смеющийся голос с противоположной стороны костра. — Надеюсь, мистер Стил, вы простите меня за то, что я вас разбудила, но... ваши ноги, торчавшие из палатки, выглядели очень забавно. Уверяю вас, что, кроме этого, я больше ничего не разглядела, хотя и старалась. Что касается того, откуда нам известно ваше имя, то я прочла его на пологе вашей палатки.

Филип встретился взглядом с парой блестящих темных глаз, смотревших на него из-за плеча полковника, и почувствовал, как у него вспыхнули щеки. Женщина улыбалась. Возле костра было достаточно тепло, и она сдвинула свою тяжелую меховую шапку на затылок. Ее блестящие золотые волосы были того же самого оттенка, что и волосок из письма, а губы, глаза и нежный румянец на щеках очень напоминали те, которые он постоянно видел перед собой, с тех пор как получил надушенное гиацинтом письмо, наполнившее его беспокойством и тоской по родным краям. Филип не раз думал о том, что жена полковника может быть молодой и золотоволосой, но он и представить не мог, что ее смеющееся лицо окажется таким же прекрасным, а глаза — такими же глубокими и манящими, как у...

Филип поймал себя на том, что слишком пристально разглядывает миссис Беккер, и поспешно отвел глаза.

— Я спал... — пробормотал он, слегка запинаясь, но постарался взять себя в руки. — Я спал, и мне снилось женское лицо. Странно, что подобное могло случиться, да еще при таких обстоятельствах, но... женщина, которая мне приснилась, была удивительно похожа на вас, мэм, хотя я точно знаю, что сейчас она находится за тысячу миль отсюда.

Обернувшись, Филип увидел, что полковник улыбается — чуть насмешливо, но приветливо. Он был невысоким и худым, но прямым как шомпол. Его лицо казалось почти болезненно бледным, если не считать порозовевшего от холода носа. Остроконечная бородка была белой, как снег под ногами. В целом же та часть его физиономии, которая виднелась между бровевой шапкой и воротником просторной меховой шабры, выглядела достаточно мужественно, несмотря на бледность кожи.

Кервуд Дж. О.

К 36 Закон великих снегов : романы, рассказы / Джеймс Оливер Кервуд ; пер. с англ. В. Гришечкина, И. Иванченко, Е. Петровой, Н. Нестеровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 768 с. : ил. + вкл. (16 с.). — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30830-5

Джеймс Оливер Кервуд, американский писатель, охотник, путешественник и натуралист, был одним из первых, кто ввел в приключенческую литературу образ канадского конного полицейского — всадника в красном мундире и широкополом стетсоне, хорошо знающего не только букву закона, но и неписанные правила выживания на суровом Севере. Именно этот романтический образ объединил произведения, вошедшие в настоящую книгу.

«Филип Стил». Сын богатых родителей, переживая разочарование в своей первой любви, уезжает на север Канады и вступает в ряды Королевской конной полиции. В этом суровом краю ему предстоит преодолеть много трудных дорог, обрести друзей и врагов и новую любовь.

«Закон великих снегов». Бродячий скрипач, неизвестно откуда появившийся в охотничьем лагере на озере Бейн, становится другом овдовевшего траппера Джона Камминса. Их связывает память о прекрасной Мелиссе, жене Камминса, и забота о его крохотной дочурке. Двум мужчинам непросто растить малышку в северной глуши, но Джон не в силах покинуть землю, где похоронена его любовь. А в прошлом скрипача скрыта своя тайна.

«Изабель». Сержант Королевской конной полиции Уильям Маквей вынужден оставить своего заболевшего товарища в хижине посреди арктической глуши и в одиночку преследовать беглого убийцу. В дороге он встречает женщину, которая везет на собачьей упряжке гроб своего мужа. Билли решает помочь ей, не подозревая, что преследуемый им преступник намного ближе, чем предполагалось.

«Золотая петля». Офицер Королевской конной полиции Филип Рейн преследует в северных пустошах загадочного «волчьего пастыря» Брэма Джонсона, обвиняемого в нескольких убийствах. Станный ловчий силлок, сплетенный из золотистых женских волос, интригует Филипа и подбрасывает ему новую загадку — загадку женщины, занимающей особое место в жизни Джонсона.

В издание также вошли избранные рассказы Кервуда и иллюстрации американских художников: Гейла Хоскинса, Фредерика Ремингтона, Луи Бомбледа, Говарда Пайла и других.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД
ЗАКОН
ВЕЛИКИХ СНЕГОВ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 48,02 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-40037-01-R